

© 2021 г.

В.В. МАЛЕНКОВ

АКТИВНОЕ ГРАЖДАНСТВО: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ КОНЦЕПТА (по результатам исследования тюменской молодежи)

МАЛЕНКОВ Вячеслав Викторович – кандидат социологических наук, доцент, кафедра менеджмента и бизнеса Тюменского государственного университета, Тюмень, Россия (vvmalenkov@gmail.com).

Аннотация. Активное гражданство имеет три измерения (режима) – гражданское участие (деятельностный аспект), гражданская вовлеченность (когнитивно-коммуникативная составляющая) и сознательная ориентация на активное гражданство (ценностная составляющая). Автор анализирует эти три репрезентации активного гражданства в жизнедеятельности молодежи 18–30 лет крупного российского города (на основе анкетного опроса молодежи Тюмени). При помощи кластерного анализа выделены пять групп, различающихся по опыту гражданского участия, степени вовлеченности в гражданско-политическую жизнь общества и ориентациям на активное гражданство: это – «пассивные» (19%), «цифровой резерв» (33%), «офлайн-резерв» (25%), «социальный актив» (10%) и «цифровой актив» (13%).

Ключевые слова: активное гражданство • гражданская вовлеченность • гражданское участие • гражданско-политические ориентации • молодежь

DOI: 10.31857/S013216250012707-0

Концепт «активное гражданство» редко применяется для описания социально-политических реалий российского общества [Ключарев, Трофимова, 2016], хотя в зарубежной литературе он часто фигурирует как идеал-типическая (нормативная) и эмпирическая (описательная) конструкция. Как отмечают Б. Хоскинс и М. Маскерини, данное понятие используется в рамках европейской политики для обозначения конкретных поощряемых форм участия, способствующих развитию демократии, сокращению разрыва между гражданами и руководящими институтами, укреплению социальной сплоченности. Оно подчеркивает сдвиг в сторону изучения индивидуальных действий: добавляя слово «активное», оно акцентирует внимание на вовлеченности граждан [Hoskins, Mascherini, 2009: 461].

Активное гражданство тесно связано с *демократией участия*, противопоставляемой *электоральной демократии*, построенной на минимальной вовлеченности и лишь формальном доступе к принятию решений. Положение, когда социально-политическую повестку формируют институциональные акторы, имеющие эксклюзивный статус (органы власти, партии и др.), а репертуар горизонтального участия ограничен выборами и членством в ассоциациях, определяют при этом как «слабую демократию». Напротив, введенное Б. Барбером понятие «сильная демократия» [Barber, 1984] акцентирует внимание

на политике участия, которая есть прямое массовое перманентное влияние граждан на принятие общественно значимых решений.

Таким образом, активное гражданство в современном научном дискурсе представляется как динамичное, просоциальное, генерирующее (инициирующее), влияющее. Оно рассматривается в качестве одного из режимов воспроизводства гражданственности, когда гражданство воплощается в ценностных установках и поведенческих моделях, задающих параметры функционирования акторов в гражданско-политическом пространстве общества. Активное гражданство проявляется в трех разных ипостасях – на уровне *гражданского участия* (деятельностный аспект), в форме *гражданской вовлеченности* (когнитивно-коммуникативный аспект) и *установок, ценностных ориентаций* (ценностная составляющая).

Для анализа эмпирических проявлений этих трех ипостасей активного гражданства автор использовал данные опроса молодых людей 16–30 лет, проживающих в г. Тюмени. Опрос проводился методом анкетирования ($N = 1364$) в ноябре–декабре 2019 г., выборка репрезентативна по возрасту и полу (ошибка выборки не превышает 5%), формировалась посредством стихийного отбора респондентов. Цель исследования – описать параметры воспроизводства активного гражданства среди молодежи крупного российского города, выделив группы, различающиеся по опыту гражданского участия, степени гражданской вовлеченности и ценностным ориентациям на активную гражданственность.

Анализ эмпирических данных показал, что элементы активного гражданства выстраиваются подобно пирамиде: на каждом более высоком уровне доля приверженных ему падает. Наибольшую важность имеют для молодежи общегражданские ценности и базовые параметры «я-гражданин концепции». В частности, развитие России значимо для 86% опрошенных. Высока и оценка собственной гражданской компетентности: 75% считают, что могут аргументировать свое мнение при обсуждении общесоциальных и политических проблем. Столько же отметили высокую ценность обладания статусом гражданина («быть гражданином очень важно для меня»). Чуть меньше (73%) указали, что им важно вносить личный вклад в благополучие страны.

В представлениях об идеальных качествах гражданина участие несколько уступает гражданским обязательствам и лояльности. Максимальная доля считающих его важным – не более 60%, тогда как важность обязанностей отмечают более 70%. В частности, 72% уверены, что «настоящий гражданин» должен способствовать поддержанию стабильности в обществе. Участие же в управлении государством считают необходимым для гражданина 60%. На уровне ценностных установок самих респондентов это еще менее значимо: участие в выборах важно для 54%, в общественной жизни – 53%. Политическую активность признают ключевой характеристикой «настоящего гражданина» 56%, но при этом 70% не считают участие в политике важным для себя.

Практически две трети молодежи (65%) следят за политическими событиями в стране. Однако они редко становятся предметом обсуждения в повседневной жизни, что признали более половины респондентов. Чаще всего дискуссии на политические темы происходят в кругу друзей и знакомых (38%), реже в общении с членами семьи и родственниками (33%), с коллегами (одноруппниками, одноклассниками) (28%). Всего 18% отметили, что часто обсуждают политические события, проблемы в сети Интернет и социальных сетях, иногда – 36%, никогда – 45%. При этом 54% подписывали петиции, 41% выражали свое мнение относительно видео и/или публикации с политическим содержанием посредством нажатия специальных виртуальных кнопок («в один клик»). Хотя подобные действия фигурировали в опросе как формы прямого гражданского участия, эти практики находятся в некотором промежуточном положении. Они показывают определенную (пусть даже не сильную) включенность в коммуникативное публичное пространство, являясь наиболее массовыми и влиятельными формами цифрового участия, поскольку помогают продвигать соответствующий контент и способствовать решению различных общественных проблем.

Интересно, что опыт прямого активного участия и ассоциированного гражданского действия сопоставимы по масштабам. Каждому пятому опрошенному приходилось

размещать комментарий или изображение в сети Интернет относительно общественной или политической проблемы. Столько же участвовали в реализации какого-либо социального проекта и деятельности волонтерской организации. Чуть меньше респондентов публиковали пост относительно социальной или политической проблемы (17%), принимали участие в публичном мероприятии, организованном органами власти либо аффилированными с ними общественными организациями (17%), в деятельности совещательного органа по месту учебы или работы (15%), молодежной организации (13%), контактировали с политиками и чиновниками напрямую (13%). Имеют опыт участия в протестах 6%, а в деятельности политических партий – 4%.

С помощью кластерного анализа выделено пять групп, отличающихся между собой по параметрам активного гражданства. Первичным критерием для дифференциации выступил опыт гражданского участия (табл. 1).

Таблица 1

Наличие опыта ассоциативного участия (в % по каждому кластеру)

Опыт участия	Пассивные	Цифровой резерв	Офлайн-резерв	Социальный актив	Цифровой актив
Принимали (принимают) участие в деятельности организации	15	22	36	58	60
в том числе в деятельности:					
политической партии	0	1	5	7	11
общественной организации	5	3	8	16	21
молодежной организации	4	8	14	28	29
волонтерской организации	10	12	21	42	35
совещательного органа в организации, учебном заведении	6	12	15	27	28

Пассивные (19%) не имеют опыта прямого участия в политике и реализации социальных проектов, никогда не состояли в политических партиях. Лишь 15% из них участвовали в деятельности гражданских ассоциаций. Ценностные и информационно-коммуникативные признаки активного гражданства в этой группе также находятся на минимальном уровне.

Цифровой резерв (33%) характеризуется ограниченным опытом прямого участия, концентрирующимся на пассивных онлайн-формах – подписании петиций и оценке (посредством «кликов», «лайков») контента с политическим содержанием. Опыт ассоциативного участия имеют 22%. В этом кластере наблюдается низкий уровень гражданской вовлеченности, но средние показатели одобрения ценностей активного гражданства.

Представители *офлайн-резерва* (25%) обладают незначительным, не акцентированным опытом прямого гражданского участия, но при этом вовлеченность в организованную гражданскую деятельность у них средняя. Более половины (51%) отметили пассивные формы цифрового участия. Данная группа отличается от «цифрового резерва» большим опытом активного действия не только в Интернете, но и в реальном публичном пространстве: 18% были задействованы в реализации социальных проектов, 17% публиковали пост относительно социально-политической проблемы и 15% принимали участие в публичном мероприятии, организованном органами власти либо связанными с ними организациями. Более трети (36%) входящих в данный кластер состояли в общественных и политических организациях.

Социальный актив (10%) – самая малочисленная группа – включает респондентов, опыт которых преимущественно связан с конвенциональными формами участия. Их еще называют общественниками, поскольку у них превалирует опыт общественной деятельности над политическим. Все, кто вошел в данный кластер, имели опыт реализации социальных

проектов. Более половины (53%) выступали участниками публичных мероприятий, организованных органами власти, тогда как участниками протестных акций – всего 5%. Большинству (58%) приходилось участвовать в деятельности общественных объединений, движений. Доминирует опыт волонтерства, наличие которого отметили 42% (в других кластерах от 10 до 34%). В этой группе среднеарифметическое количество прямых форм, составляющих гражданский опыт, равняется 3,6 (медиана и мода – 4). При этом прямое участие ограничено пассивными формами – 88% подписывали петиции, 44% ставили «лайки» политическому контенту.

Цифровой актив (13%) несколько превышает по численности социальный актив. Вошедшие в него респонденты имеют разноплановый опыт как прямого (в среднем по группе отмечено 5,7 позиций; медиана – 5; мода – 4), так и ассоциированного участия (60%). Ключевой чертой этого кластера является доминирование в опыте онлайн-инструментов гражданского действия – преимущественно активных. Все входящие в него размещали комментарии или изображения в сети Интернет относительно значимой социальной и/или политической проблемы, а 72% публиковали посты. Вместе с тем, как и у цифрового резерва, у них фиксируется опыт пассивного онлайн-участия – 90% подписывали петиции, 80% оценивали видео и публикации с политическим содержанием. Характерной особенностью этой группы является большая доля участвовавших в протестных действиях (26%), а также поддерживающих финансово политические структуры и проекты (15%; доля таковых в других группах не превышала 5%). У входящих в этот кластер имеется также более насыщенный по сравнению с другими опыт нецифрового участия – 46% участвовали в социальных проектах, каждый третий имеет опыт сотрудничества с волонтерской и молодежной организацией, входил в совещательный орган по месту работы, учебы, 21% состояли в общественной организации, 11% – в политической партии.

Респонденты, входящие в выделенные кластеры, значительно различаются по параметрам гражданской вовлеченности (табл. 2). Так, среди пассивных доля следящих за политическими событиями в стране меньше половины (49%), а у цифрового актива – 83%. Следует отметить, что если по показателям ассоциативного участия социальный актив ближе к цифровому активу, то параметры его гражданской вовлеченности сопоставимы скорее с офлайн-резервом.

На уровне ценностных ориентаций и ключевых установок относительно гражданства различия между выделенными кластерами тоже велики (табл. 3). Например, положительная оценка своей гражданской компетентности варьируется от 59% (у пассивных) до 94% (у цифрового актива). По остальным признакам разрыв чуть меньше – 27–30 п.п.

Таблица 2

Когнитивно-коммуникативная составляющая активного гражданства (в % по каждому кластеру)

Показатели гражданской вовлеченности	Кластеры				
	пассивные	цифровой резерв	офлайн-резерв	социальный актив	цифровой актив
<i>Следят за политическими событиями в стране</i>					
Да	10	17	24	27	46
Скорее да	39	44	46	49	37
<i>Часто обсуждают политические события, социально-экономические новости, общественные и мировые проблемы (сумма вариантов ответа «очень часто» и «достаточно часто»)</i>					
Со своими друзьями, знакомыми	19	31	41	46	70
Со своей семьей (родителями, родственниками)	14	29	39	42	59
С коллегами, одноклассниками, одногруппниками	16	23	31	33	55
В сети Интернет, в социальных сетях	7	11	23	24	43

Таблица 3

Ценностная составляющая активного гражданства (в % по каждому кластеру)

Ориентации на активное гражданство	Кластеры				
	пассивные	цифровой резерв	офлайн-резерв	социальный актив	цифровой актив
<i>Высокая важность для респондентов (доля оценок 7–10 по шкале от 0 – совсем не важно для меня – до 10 – очень важно для меня)</i>					
Участие в политике	20	24	38	30	47
Участие в выборах	44	53	57	54	65
Участие в общественной жизни	43	45	55	66	72
<i>Настоящий гражданин должен (доля ответов «скорее согласен» и «полностью согласен»)</i>					
Быть политически активным	45	52	58	66	75
Участвовать в управлении государством	48	62	58	64	77
Быть социально-активным	49	55	62	72	76
<i>Согласие с утверждениями (доля ответов «скорее согласен» и «полностью согласен»)</i>					
Мне важно вносить личный вклад в благополучие страны	63	73	74	83	83
Быть гражданином очень важно для меня	71	76	75	83	75
Я могу аргументировать свое мнение при обсуждении общесоциальных и политических проблем	59	73	71	88	94

Исключением является важность гражданства («быть гражданином очень важно для меня»), которое респонденты, похоже, воспринимают преимущественно в формальном ключе. Однако в более конкретной формулировке, апеллирующей к необходимости вносить личный вклад в благополучие страны, различия становятся более сильными.

Следует обратить внимание, что среди представителей цифрового актива быть гражданином считают важным 75%, тогда как внесение вклада в благополучие страны – 83%, то есть активная гражданственность преобладает над формальной, что не характерно для других групп. Показательно также, что во всех группах наблюдается очевидный разрыв в оценке важности участия в политике как качества «настоящего гражданина» и собственной ориентацией на политическое участие, чего не наблюдается по другим параметрам (с учетом поправок на разницу используемых шкал). При этом оценки значимости участия в политике и выборах различаются на порядок во всех группах – чем она пассивнее, тем выше разница. Это может свидетельствовать о доминировании в нормативных представлениях о гражданстве как практике электоральной (представительной) модели над демократией участия.

Полученные результаты подкрепляют концепции, описывающие гражданина-наблюдателя как медианного гражданского субъекта и наиболее распространенный тип воспроизводства модели активного гражданства. Такие граждане сканируют общественно-политическую повестку, как правило, не слишком в нее вникая. Но при этом иногда, под воздействием мобилизующих внешних факторов, они импульсно выражают «свою» гражданскую позицию, используя наиболее простые форматы. С учетом цифровой трансформации гражданско-политического пространства доминирующими формами стали те, что не требуют больших усилий, но создают общее поле взаимодействия и трансляции общезначимой повестки.

В ходе исследования на материалах молодых горожан-тюменцев выделены и описаны пять кластеров, отличающихся по ряду параметров гражданско-политического профиля. Различия по большинству из них имеют линейный характер: чем меньше опыт гражданско-политического участия, тем меньшие значения принимают социокогнитивные показатели (гражданская вовлеченность, компетентность и соответствующие ценностные

установки). Пассивная часть молодежи, составляющая 19% опрошенных, по всем показателям далека от модели активного гражданства. У большинства (58%) опыт участия ограничен формами, не требующими высокой включенности и ресурсов, но степень вовлеченности при этом средняя, а значимость ценностных установок относительно активного гражданства достаточно высока. Около четверти (23%) обладают наибольшим потенциалом активного гражданства. При этом у части из них – социального актива (10%) – доминирует опыт неполитического участия, тогда как у другой – цифрового актива (13%) – политического в наиболее активных его формах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Ключарев Г.А., Трофимова И.Н. Несколько «уроков» теории и практики гражданского образования // ПОЛИС. Политические исследования. 2016. № 1. С. 175–191. [Kliucharev G.A., Trofimova I.N. (2016) Some "Lessons" of Theory and Practice of Civic Education. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 1: 175–191. (In Russ.)] DOI: 10.17976/jpps/2016.01.12.
- Barber B. (1984) *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*. Berkeley: University of California Press.
- Hoskins B.L., Mascherini M. (2009) Measuring Active Citizenship through the Development of a Composite Indicator. *Social Indicators Research*. Vol. 90. No. 3: 459–488. DOI: 10.1007/s11205-008-9271-2.

Статья поступила: 16.11.20. Принята к печати: 25.02.21.

ACTIVE CITIZENSHIP: CONCEPT AND ITS EMPIRICAL PROJECTIONS (Based on the Results of Tyumen Youth Survey)

MALENKOV V.V.

Tyumen State University, Tyumen, Russia

Vyacheslav V. MALENKOV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Tyumen State University (vvmalenkov@gmail.com).

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project No. 19-011-00632.

Abstract. The article examines the concept of "active citizenship", which is rarely used in Russia to describe civil and political reality. The theoretical part reveals the main semantic contexts of the concept, its structure. Active citizenship is presented in three dimensions: as civic participation, as civic engagement, as value orientations towards active citizenship. In the practical part, the author describes the representation of active citizenship among the youth of a large Russian city. The material for empirical analysis is the data of a questionnaire survey of youth in Tyumen. Along with the frequency description, the method of cluster analysis is used, which made it possible to distinguish five homogeneous groups: "passive", "digital reserve", "offline reserve", "social asset" and "digital asset". These clusters differ in terms of experience of civic participation, civic engagement, and orientation toward active citizenship as a value.

Keywords: active citizenship, civic engagement, civic participation, civic-political orientations.

Received: 16.11.20. Accepted: 25.02.21.